

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 93–100. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 93–100. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история

УДК 94(470)''20'' + 331

EDN GAUXRI

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-93-100>

ТРУДОВАЯ ЗАНЯТОСТЬ ССЫЛЬНЫХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ В СЕВЕРНЫХ ГУБЕРНИЯХ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX В.

Петербургский Михаил Юрьевич, соискатель кафедры отечественной средневековой и новой истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия, mpeterburgsky@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7559-0709>

Аннотация. Статья посвящена изучению трудовой занятости политических ссыльных, размещаемых властями в губерниях Европейского Севера России в начале XX в. В ходе исследования автором были изучены архивные материалы и воспоминания лиц, знакомых с реалиями северной ссылки. Проанализированы стратегии трудоустройства ссыльных, их заработки и факторы, помогающие поиску работы или, наоборот, осложняющие его. Автор приходит к выводу, что распространяемые на ссыльных нормативные ограничения не оказали большого воздействия на круг их занятий. Низкий размер пособия, а также задачи политической агитации и пропаганды толкали ссыльных к запрещенным видам труда (например, репетиторству). Поиск работы легче всего удавался тем ссыльным, которые были размещены в губернских центрах, имели образование и (или) востребованную квалификацию. Обретение ссыльными северных губерний достойного заработка было достаточно кропотливой задачей, однако это не выбивалось из общей канвы: те же трудности и тенденции подстерегали и сибирских ссыльных, и ссыльных других губерний европейской части России.

Ключевые слова: Архангельская губерния, Вологодская губерния, земство, политические ссыльные, положение «О полицейском надзоре», пособие, революционеры, труд.

Для цитирования: Петербургский М.Ю. Трудовая занятость ссыльных революционеров в северных губерниях России в начале XX в. // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 93–100. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-93-100>

Research Article

LABOUR EMPLOYMENT OF EXILED REVOLUTIONARIES IN THE NORTHERN PROVINCES OF RUSSIA AT THE EARLY 20TH CENTURY

Mikhail Yu. Peterburgsky, postgraduate, department of Medieval and Modern Russian History, Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia, mpeterburgsky@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7559-0709>

Abstract. The article is devoted to the study of the employment of political exiles placed by the authorities in the provinces of the European North of Russia in the early 20th century. In the course of the study, the author examined archival materials and the recollections of people familiar with the realities of northern exile. The strategies for finding employment of exiles, their earnings, and the factors that helped or, conversely, complicated their job search, were analysed. The author comes to the conclusion that the regulatory restrictions imposed on exiles had no significant impact on the range of their activities. The low size of unemployment benefits, as well as the tasks of political agitation and propaganda, pushed exiles to prohibited types of work (for example, tutoring). The search for work was easiest for those exiles who were placed in the provincial centres, had an education and (or) in-demand qualifications. Finding a decent income for the exiles of the northern provinces was a rather painstaking task, but it did not stand out from the general outline – the same difficulties and tendencies lay in wait for the Siberian exiles and the exiles of other governorates of the European part of Russia.

Keywords: Arkhangelsk Province, Vologda Province, zemstvo, political exiles, “Regulations on police supervision”, unemployment benefit, revolutionaries, labor.

For citation: Peterburgsky M.Yu. Labour employment of exiled revolutionaries in the northern provinces of Russia at the early 20th century. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 93–100. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-93-100>

Институт административной ссылки, установленный положением «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» (1881 г.)¹ стал на рубеже XIX–XX вв. незаменимым инструментом для удаления политически неблагонадежных лиц из столиц и крупных городов в отдаленные части России. В период первой русской революции 1905–1907 гг. резко возросло число лиц, подозреваемых в нежелательной для царского режима политической активности. Их начали массово размещать в губерниях Европейского Севера – главным образом Архангельской и Вологодской, где они на период от 1 до 5 лет подчинялись гласному надзору полиции, ограничивались в правах и свободном передвижении. Сотни ссыльных разного пола, возраста, материального достатка, вероисповедания и политических убеждений наводнили уезды этих губерний: «...пожар, вспыхнувший ярким пламенем во внутренней России, выбросил и на далекий север сноп искр и разметал их по городам и весям неприютной окраины» [Ильинский: 175]. Ссыльные были вынуждены незамедлительно адаптироваться к новой для себя повседневности. Первостепенной, самой насущной задачей для подавляющего большинства из них стал поиск средств к существованию. В данной статье на материалах периодической печати и источников личного происхождения ставится цель проанализировать трудовую занятость лиц, высланных административным порядком в губернии Европейского Севера в начале XX в.

Для начала обратимся к цифрам. У политических ссыльных, в случае отсутствия регулярного заработка, имелось право на пособие, размер которого начинался от 6 руб. 50 коп. (по данным Вологодской губернии). Повышенное денежное довольствие назначалось семейным ссыльным (плюс 3–4 руб. на взрослых и плюс 1–1,5 руб. в месяц на детей до 14 лет) и ссыльным, имевшим дипломы об окончании высших и средних учебных заведений [Калашникова: 120]. Так, образованные ссыльные Вологды в 1907 г. получали 11 руб. в месяц, непривилегированные категории ссыльных – 8 руб. в месяц². Помимо так называемых «кормовых денег» ссыльные имели право на «одежные деньги», размер которых составлял 42 руб. в год. Между тем указанных сумм катастрофически не хватало: по оценке Н. Рычковой, прожиточный минимум ссыльного даже в самых отдаленных уездах губернии составлял 12 руб. в месяц [Рычкова: 38], по оценке Н.В. Калашниковой – 15 руб. в месяц [Калашникова: 120]. Эти оценки вполне согласуются с данными анонимных анкет, распространенных среди ссыльных Вологды в 1907 г. Согласно анкетам, одним пособием обходилось 34,6 % респондентов (26 из 75 чел.), а «на вопрос «Хватает ли на содержание пособия?» почти

все они ответили, что не хватает. Учитывая, что снять комнату в Вологде стоило в указанное время от 2 до 3 руб., прожить на оставшиеся 4–5 руб. в месяц было действительно трудно» [Коновалов 2007: 188].

Исследователь олонекской ссылки Н.Р. Славнитский указывает также на практику лишения ссыльных пособий. Это могли сделать, если поднадзорный, по мнению местных властей, уклонялся от поиска заработка «по лености, дурному поведению или привычке к праздности». Олонекские политссыльные, как и их вологодские «коллеги», не полагались на пособие и старались найти работу, тем более что в начале XX в. из-за наплыва ссыльных в города и уезды Олонекской губернии местные обыватели значительно подняли цены на квартиры и продовольствие [Славнитский: 71].

Заработки ссыльных составляли от 15 до 100 руб. в месяц. По мнению Ф.Я. Коновалова, поиск заработка легче удавался ссыльным, имевшим «городскую» профессию, тогда как бывшим «аггариам» получить даже низкооплачиваемую работу в городе было практически невозможно [Коновалов 2007: 188]. Но и для ссыльных – носителей интеллектуальных профессий на законодательном уровне предусматривались многочисленные ограничения. Так, согласно положению «О полицейском надзоре» от 12 марта 1882 г.³, поднадзорным запрещалась «всякая педагогическая» и репетиторская деятельность (ст. 24). Врачебная, акушерская или фармацевтическая практика дозволялась им только с разрешения министра внутренних дел (ст. 27). Политссыльные были ограничены в праве держать мастерские, фотосалоны, закусочные, не могли служить приказчиками, конторщиками и библиотекарями, заниматься адвокатской деятельностью, участвовать в собраниях, сценических представлениях, организовывать публичные лекции и другие мероприятия, которые власти считали опасными для «общественного спокойствия» [Калашникова: 119]. Разумеется, логика этих ограничений была обусловлена стремлением властей к минимизации контакта ссыльных с местным населением: предполагалось, что ссыльные революционеры займутся «черными», неквалифицированными работами, крестьянским трудом. Однако значительный процент ссыльных, наводнивших северные губернии России в начале XX в., составляли выходцы из разночинной среды, «часто с дипломами врачей и учителей, и в такой ситуации получалось, что они не могли найти работу согласно своему образованию» [Королева: 109]. В свете последнего наиболее уязвимыми категориями политссыльных были евреи и женщины. В силу законодательных ограничений ссыльным евреям были недоступны традиционные для них области интеллектуального труда (репетиторство, медицина, торговля, жур-

налистика), а распространенные среди них ремесла («ювелирное, шляпочное, портняжное») были невозможны в экономически неразвитых районах – обычных местах водворения евреев» [Рычкова: 38]. С похожей проблемой сталкивались и революционерки: многие из административно-ссыльных женщин имели педагогическое или медицинское образование. В местах водворения они стремились найти применение имеющейся квалификации и зачастую терпели неудачу [Ванюшина: 112]. С середины 1890-х гг. до 1905 г. учительницей в Архангельской губернии была официально трудоустроена только 21 женщина, а акушерками и фельдшерицами – 16. Другие традиционные «женские профессии» находили в ссылки точечный спрос: так, обеспечили себе заработок некоторые швеи, портнихи, модистки, мастерица шляп, ткачиха, массажистка и даже певица [Овечкина: 15].

Существенно различалась ситуация с поиском занятий в губернских центрах и уездах: в последних подчас невозможно было достать «никакой работы, никаких занятий; ссыльные обречены на полное бездействие»: сознательная их часть «стремится хоть за книгой использовать вынужденно-свободное время; остальная же часть – большая – все больше развращается»⁴. Бывший политссыльный г. Кадникова вспоминал, что кадниковская колония ссыльных насчитывала 250–300 человек, из которых «занятия имела ничтожная часть ссыльных. Кое-кто давал уроки, но таких было 1–2 человека, кое-кто ремесленничал: было 2–3 сапожника, один портной, остальные были вынуждены на безделье» [Политическая ссылка: 8–9]. Не лучше складывалась материальная ситуация ссыльных в Вельском уезде: в перлюстрированном письме одного ссыльного революционера сообщалось, что из 200 местных поднадзорных «найдутся не более 20–30 человек, имеющих горячую пищу два раза в сутки, все остальные довольствуются одним обедом, состоящим часто из одного блюда»⁵. На пособие от казны невозможно было прожить «даже в захолустном Вычегодском крае»: источником пропитания для местных ссыльных становились пособия от родных и субсидии товарищеских кружков, и редкому из них удавалось «обеспечить себя, занявшись каким-либо торговым или промышленным делом или поступивши на частную службу, спрос на которую очень невелик в этих медвежьих углах» [Оглоблин: 921]. Эту же тенденцию освещает в своих воспоминаниях журналист Э.И. Павчинский. По его словам, из сотен ссыльных вологодских уездов он знал только троих, которым повезло найти заработок: часового мастера, парикмахера и наборщика типографии. «Какие занятия, какой ручной труд возможны были в тех местах, куда ссылали? Это была явная насмешка: такого труда там не было» [Павчинский: 182]. Павчинский развенчивает миф о легкости

добыть заработок ручным трудом: занятия ремеслом требовали покупки дорогостоящего инвентаря; в местах водворения на многие услуги отсутствовал спрос, а отправляться на отхожие промыслы ссыльным не давало «Положение о полицейском надзоре».

Положение дел, связанное с трудностями поиска заработка ссыльными северных губерний, не было уникальным. Те же трудности подстерегали, например, вятских и тверских политических ссыльных. По свидетельству О.В. Ванюшиной, уездные исправники Тверской губернии часто отчитывались перед местным губернатором о том, что административно-ссыльные лица «доставать себе средства трудом в здешних местах не могут, по неимению в виду лиц, которые могли бы их снабжать работою. С другой стороны, большая часть из высылаемых даже не знает никакого ремесла». Лица привилегированных сословий не могли приискать занятий, поскольку, по замечанию одного уездного исправника, были «к физическому труду не способны» [Ванюшина: 112].

Каналом, приоткрывавшим для ссыльных возможность интеллектуального труда, было земство. Земская управа ведала «земскими больницами, школами, сельскохозяйственными обществами, просветительными учреждениями, статистикой, кустарными ремеслами». Тогдашние члены вологодского земства считались либералами и широко привлекали образованных ссыльных к работе в подведомственных учреждениях [Железняк; Михайлов: 24], обеспечивая им возможность интеллектуального (и даже научного) труда в губернском городе [Нефедовский: 152].

В начале XX в. земская управа использовала трудовые ресурсы вологодских ссыльных при проведении работ по подворному описанию крестьянских хозяйств, в ходе которых они трудились переписчиками, статистами и др. Несмотря на то, что ст. 21 «Положения о полицейском надзоре» прямо предписывала, что поднадзорные могут быть допущены к письменным занятиям в правительственных и общественных учреждениях лишь по специальному разрешению министра внутренних дел, эта норма часто нарушалась. В целях соблюдения внешнего формализма оплата труда ссыльных проводилась неофициально – «путем завышения содержания заведующих оценочным и статистическим отделов. Причем губернские власти прекрасно знали об этом, но закрывали на это глаза. Размеры подобных заработков были довольно значительными» [Коновалов 2006: 131]. К примеру, труды на благо земской статистики даже позволили социал-демократу С.Г. Струмилину приобрести ялик для речных прогулок [Якунина].

Помимо члена РСДРП С.Г. Струмилина в вологодской статистике трудился другой видный социал-демократ и публицист – В.В. Воровский. В 1912 г. В.В. Воровского привлекли к разработке анкет

по исследованию маслодельных артелей в губернии и подготовке тематической книги [Цветков], затем он как инженер занимался проектом строительства женской гимназии в Вологде [Водовозов: 94–96]. Статистом в губернском земстве работал и арктический исследователь В.А. Русанов, высланный в Вологодскую губернию в 1901 г. Во время служебных командировок В.А. Русанов изучал природу Печорского края, занимался исследованием рек на предмет их годности к судоходству [Волков]. Наблюдения В.А. Русанова впоследствии легли в основу некоторых его научных работ.

Служба в земских учреждениях была характерна не только для поднадзорных северных губерний. К примеру, в земской статистике Тверской губернии под руководством известного своими прогрессистскими взглядами В.И. Покровского также нашли занятия множество политических поднадзорных, в том числе женщин. Одной из них была высланная из Санкт-Петербурга видная большевичка Ц.С. Зеликсон-Бобровская [Ванюшина: 114, 116].

Пункты «Положения о полицейском надзоре», ограничивавшие ссылных в праве заниматься отдельными видами деятельности, не стали, вопреки замыслу законодателя, панацеей от распространения «вредных идей» в народных массах. Ссылные широко взаимодействовали с молодежью, занимались репетиторством [Демичев; Славнитский: 71], стремясь узнать думы и настроения местного пролетариата и крестьянства. Так, частные уроки музыки давала сестра В.И. Ленина Мария Ульянова, отбывавшая административную ссылку в Вологде в 1912–1914 гг. Кроме того, она принимала участие в созданном политссылными обществе «Просвещение» [Калашникова: 119]. Социал-демократ А.К. Гастев пошел официальным путем и добился разрешения местных властей на репетиторские уроки с учениками до 14 лет, а затем нелегально занялся с учениками старшего возраста [Рунов]. В то же время в ноябре 1907 г. административно-ссылный Михаил Лубнин подал ходатайство о разрешении поступить на должность воспитателя в Вологодский учительский приют, в чем ему было отказано⁶, а в марте 1908 г. вологодский губернатор отклонил прошение ссылного Дмитрия Костина о поступлении на должность фельдшера⁷. К медицинской деятельности, «исключительно по вольному найму и при условии самого строгого наблюдения со стороны губернатора», был допущен известный медик, большевик А.А. Богданов (Малиновский). С 1 октября 1901 г. он заступил на должность ординатора, а затем врача в Кувшиновской психиатрической больнице под Вологдой. По окончании службы А.А. Богданов не оставил врачебной профессии и получил от властей разрешение на частную практику [Морозова: 1097, 1103]. К рели-

гиозной деятельности разрешением губернатора допустили в 1908 г. административно-ссылного из Казани Галимзяна Галеева, позволив ему исполнять обязанности муллы в Вологде⁸. Будущего советского наркома Н.М. Анцеловича, электромонтера по профессии, в устюгской ссылке (1912–1913 гг.) привлекли к надзору за оборудованием и устройством телефонной сети, впервые устраиваемой в Великом Устюге. По выполнению возложенных задач Н.М. Анцеловичу руководство выдало удостоверение о том, что свои обязанности он выполнял «добросовестно и аккуратно, проявив при том достаточно серьезные познания в электротехнике» [Панов: 130].

Таким образом, вовлечение ссылных Европейского Севера России в интеллектуальные виды деятельности невозможно объяснить одной только недоработкой политической полиции и банальным попустительством местных властей. Снисходительное отношение губернских властей и чиновников к вопросу привлечения отдельных политссылных к интеллектуальному труду объясняется рядом фактором. Во-первых, среди либерально настроенного чиновничества имели место личные симпатии к ссылным, которые нередко обращались в стремление посылно содействовать политически близким лицам в трудоустройстве. Во-вторых, губернским властям было очевидно, что уровень образования и квалификации отдельных ссылных мог быть применен на благо губернии: и это было справедливо для всех регионов империи, куда под гласный надзор полиции подлежали высылке лица из категории «неблагонадежных». Так, при остром дефиците педагогических кадров в Восточной Сибири опыт и знания ссылных специалистов «служили основанием преодоления существовавших законодательных запретов на общественные виды деятельности» [Максимова: 22]. В европейской части России в начале XX в. (Вятская губерния) также «широко применялся труд высококвалифицированных специалистов, находящихся в ссылке, если это отвечало интересам региона. Реализация на практике системы ссылки приводила к постоянным отходам от установленного законодательством порядка и всевозможным исключениям из правил» [Калинина: 17].

Политссылным, не обладавшим востребованной квалификацией, везло меньше образованных коллег, однако социально-экономические и природно-климатические особенности отдельных районов Севера зачастую перечеркивали шансы даже высококвалифицированных ссылных на трудоустройство по специальности. Так, в отсутствие работы многие из архангельских политссылных брались за изготовление мебели и хозяйственного инвентаря, ремонт самоваров, ведер, обуви, занимались портным и кузнечным делом, нанимались на поденщину к торгов-

цам, малярные работы и сенокос [Калашникова: 120]. Автор воспоминаний об архангельской ссылке начала XX в. М.В. Ильинский вспоминал, что в Шенкурске «политические» трудились в переплетной мастерской, лудили самовары; ссыльные из интеллигенции подрабатывали таперами на танцевальных вечерах и репетиторствовали [Ильинский: 180]. В Пинеге функционировали столярная и кузнечно-слесарная мастерские; наряду с этим некоторые из ссыльных находили заработок по окрестным деревням. «Слесарь Петров чинил швейные машины, Розанов – рабочий из Иваново-Вознесенска – вставлял стекла, рабочий Мозер открыл в Пинеге первую парикмахерскую» [Ильинский: 242]. Ильинский приводит курьезный случай, произошедший с последним. Мозер, который не был профессиональным цирюльником и освоил это ремесло в тюрьме, отличался крайней рассеянностью и как-то раз едва не зарезал в своей цирюльне пришедшего к нему бриться инспектора народных училищ. «Замечтавшись над головой посетителя, Мозер полоснул ему бритвой физиономию, да так, что кровь хлынула в три ручья. Парикмахер и инспектор страшно растерялись, но не успел еще гость подняться с места, как находчивый цирюльник схватил бутылку с крепкой уксусной эссенцией и вылил ее содержимое на кровоточившую рану. Инспектор взревел и, как был без шапки и в крови, бросился вон из “салона” Мозера.

– Удивительно, – добродушно философствовал потом Мозер, – я никогда не слыхал, чтобы так мог кричать человек...»

Профессиональная переориентация и смена работ разного рода была частой составляющей трудового быта многих нашедших заработок ссыльных. Так, В.М. Молотов в ссылке развлекал вологодских купцов, играя на мандолине в привокзальном ресторане «Север» [Панов: 130], а также «таперил» в кинотеатре «Рекорд». По свидетельству его внука, В.А. Никонова, летом на городском бульваре В.М. Молотов заметил «трио музыкантов. Оказалось, что это гастролировавшая группа из Санкт-Петербурга, подрабатывавшая где придется. Выяснилось, что лишний мандолинист им не помешает. Проверили на нотную грамотность, и трио превратилось в квартет. Тогда на центральной улице Вологды открывался первый в городе кинотеатр, и музыканты договорились с его хозяином там играть». А вскоре появилась возможность играть и в ресторане, «где было много местной и заезжей публики» [Никонов]. Географ, исследователь Азии Г.Н. Потанин в никольской ссылке поначалу трудился по специальности – составлял обзор распространения тюркских и финских племен в XVIII–XIX вв. [Обручев: 59], затем стал вести переписку для местного лесничего, выручая 3–5 руб. в месяц, а вскоре для него нашлось более выгодное

занятие – написание крестьянских прошений. За счет того, что Г.Н. Потанин брал с крестьян по полтиннику за прошение (местный писарь брал по рублю), об этом узнал весь уезд, и крестьяне начали массово обращаться к Потанину, что позволило ему достойно заработать [Обручев: 60]. В рапорте вологодскому губернатору никольский уездный исправник сообщал, что «Потанин ведет жизнь в городе Никольске самую примерную» [Дубинина].

Подводя итоги, можно констатировать, что законодательные ограничения, установленные положением «О полицейском надзоре», не оказывали существенного воздействия на сужение круга доступных для ссыльных занятий. Большинство ссыльных революционеров северных губерний испытывали материальные трудности и, игнорируя нормы закона, занимались, например, нелегальным репетиторством, преследуя двоякую цель: а) обеспечения прожиточного минимума, б) агитации и пропаганды революционных идей через тесное взаимодействие с местным населением (чаще всего с молодежью).

В целом ситуация в северных губерниях не выбивалась из общей канвы: те же тенденции преобладали и в традиционной для ссылки Сибири, и в других губерниях, которые принимали административно-ссыльных. Образованным ссыльным, имевшим востребованную квалификацию, было легче найти работу. Помощь в этом зачастую оказывало местное земство, в котором служили чиновники «прогрессистских» взглядов, симпатизировавшие молодым, политическим активным интеллектуалам.

Большинство политссыльных северных губерний, которым удалось самостоятельно обеспечить себя, находили заработок в соответствии с образовательным уровнем. Так, высланный из Могилевской губернии крестьянин Петр Гончаров занялся хлебопашеством, а смоленская дворянка Валентина Гуммель – писмоводительством⁹. Тем не менее водворение ссыльных в отдаленные уезды северных губерний (Вологодской и в особенности Архангельской) отягощало поиск заработка, и ссыльные были вынуждены браться за любой труд; проживание же в губернских центрах было более перспективным в ключе доступных для ссыльных интеллектуальных занятий.

Примечания

¹ Положение «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г.

² Например, административно-ссыльный крестьянин Николай Губанов, водворенный в г. Кадников Вологодской губернии, не имел постоянных занятий и получал казенное пособие в размере 8 руб. 30 коп. в месяц. См.: Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 108. Оп. 1. Д. 4076. Л. 3.

³ Положение «О полицейском надзоре» от 12 марта 1882 г.

⁴ Список лиц, находящихся в ссылке в Вологодской губернии // Северная земля. 1906. № 74.

⁵ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 4726. Л. 251.

⁶ ГАВО. Ф. 129. Оп. 3. Д. 577. Л. 11.

⁷ ГАВО. Ф. 129. Оп. 3. Д. 577. Л. 19.

⁸ ГАВО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 3606. Л. 17.

⁹ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 4076. Л. 5, 9.

Список литературы

Ванюшина О.В. Из повседневности женщин, административно высланных в Тверскую губернию (1881–1917 гг.) // Вестник РГГУ. Сер.: Исторические науки. История России. 2013. № 10 (111). С. 107–117.

Водовозов М.С. Дом, в котором в 1913 г. жил, находясь в ссылке, В.В. Воровский // Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР. Москва: Б. и., 1979. С. 94–96.

Волков Н. «Ни в чем особом не замечался...» // Губернские новости. 1995. 15 сент.

Демичев П. Политические ссыльные на Севере // Звезда. 1967. 2 сент.

Дубинина В. Ссылный сотник // Ступени вологодские. 2004. 18 марта.

Железняк В. Село под Вологдой // Красный Север. 1975. 28 янв.

Ильинский М.В. Архангельская ссылка. Санкт-Петербург: Тип.-лит. «Энергия», 1906. 294 с.

Калашикова Н.В. Практика политической ссылки на Европейском Севере в XIX – начале XX века // Европейский Север в судьбе России. Вологда: ФСИН, 2005. С. 115–121.

Калинина Д.А. Повседневная жизнь политических ссыльных в Вятской губернии в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2009. 25 с.

Коновалов Ф.Я. Политические ссыльные г. Вологды в 1907 г. // История пенитенциарной системы России в XX веке. Вологда: ФСИН, 2007. С. 184–190.

Коновалов Ф.Я. Эффективность административной ссылки как меры наказания в начале XX века // Европейский Север России: традиция и модернизационные процессы. Ч. 1. Вологда: ВГМХА, 2006. С. 129–136.

Королева Л.С. Повседневная жизнь политических ссыльных в пореформенной России: современная историография вопроса // История повседневности. 2020. № 2 (14). С. 106–114.

Максимова В.Н. Женская политическая каторга и ссылка в Восточной Сибири (1907–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2003. 28 с.

Михайлов Б.Г. Большевики в вологодской ссылке. Вологда: ВГПИ, 1974. 52 с.

Морозова А.Ю. Черный кот, розовые лягушки и «некрологи на память»: вологодская ссылка А.А. Богданова // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2021. Т. 5, № 4. С. 1092–1142.

Нефедовский Г.В. К вопросу о правовом регулировании ссылки в России (конец XIX – начало XX вв.) // Современная научная мысль. 2013. № 3. С. 149–158.

Никонов В. Молотов в вологодской ссылке // Русский Север. Пятница. 2004. 25 февр.

Обручев В.А. На каторге и в ссылке // Путешествия Потанина. Москва: Молодая гвардия, 1951. С. 54–63.

Овечкина С.Ю. Женская политическая ссылка в Архангельской губернии: вторая половина XIX – начало XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2005. 21 с.

Оглоблин Н.Н. Политические ссыльные на Вычегде // Исторический вестник. 1913. Т. 132, № 6. С. 918–924.

Павчинский Э.И. Места не столь отдаленные: из воспоминаний о Вологодской ссылке 1906–1910 годов // Каторга и ссылка. 1932. № 3. С. 167–195.

Панов Л.С. Вологодская ссылка // Москва – Вологодчина: времен связующая нить. Вологда: Древности Севера, 2009. С. 126–131.

Политическая ссылка: отрывки воспоминаний // Огонек. 1925. № 51 (142). С. 8–9.

Рунов В. Страница героической биографии: о поэте и революционере А.К. Гастеве // Север. 1970. № 4.

Рычкова Н. Роль национальных групп в революционном движении во второй половине XIX – начале XX века // Вестник НСО. 2006. Вып. 4. С. 36–41.

Славнитский Н.Р. Ссылка в Олонецкую губернию накануне Первой российской революции // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 2 (171). С. 70–75.

Цветков С. Воровский в Вологде: к 60-летию со дня пребывания в Вологодской ссылке // Вологодский комсомолец. 1972. 7 нояб.

Якунина О. Капитан «Красотки» // Премьер. 2007. 5 марта.

References

Demichev P. *Politicheskiye ssyl'nyye na Severe* [Political Exiles in the North]. *Zvezda* [Star], 1967, September 2. (In Russ.)

Dubinina V. *Ssyl'nyy sotnik* [Exiled centurion]. *Stupeni vologodskiye* [Vologda steps], 2004, March 18. (In Russ.)

Ilyinsky M.V. *Arkhangel'skaya ssylka* [Arkhangelsk exile]. St. Petersburg, Energiya Publ., 1906, 294 p. (In Russ.)

Kalashnikova N.V. *Praktika politicheskoy ssylki na Yevropeyskom Severe v XIX – nachale XX vekov* [The practice of political exile in the European North in the

19th – early 20th centuries]. *Yevropeyskiy Sever v sud'be Rossii* [The European North in the fate of Russia]. Vologda, FSIN Publ., 2005, pp. 115–121. (In Russ.)

Kalinina D.A. *Povsednevnyaya zhizn' politicheskikh ssyl'nykh v Vyatskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX v.*: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Everyday life of political exiles in the Vyatka Governorate in the late 19th – early 20th centuries: PhD thesis, summary]. St. Petersburg, 2009, 25 p. (In Russ.)

Konovalov F.Ya. *Politicheskiye ssyl'nyye g. Vologdy v 1907 g.* [Political exiles of Vologda in 1907]. *Istoriya penitentsiarnoy sistemy Rossii v XX veke* [History of the penitentiary system of Russia in the 20th century]. Vologda, FSIN Publ., 2007, pp. 184–190. (In Russ.)

Konovalov F.Ya. *Effektivnost' administrativnoy ssylki kak mery nakazaniya v nachale XX veka* [The effectiveness of administrative exile as a measure of punishment at the beginning of the 20th century]. *Yevropeyskiy Sever Rossii: traditsiya i modernizatsionnyye protsessy. Ch. 1* [The European North of Russia: tradition and modernization processes. Part 1]. Vologda, VGMHA Publ., 2006, pp. 129–136. (In Russ.)

Koroleva L.S. *Povsednevnyaya zhizn' politicheskikh ssyl'nykh v poreformennoy Rossii: sovremennaya istoriografiya voprosa* [Everyday life of political exiles in post-reform Russia: modern historiography of the issue]. *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life], 2020, no. 2 (14), pp. 106–114. (In Russ.)

Maksimova V.N. *Zhenskaya politicheskaya katorga i ssylka v Vostochnoy Sibiri (1907–1917 gg.)*: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Female political penal servitude and exile in Eastern Siberia (1907–1917): PhD thesis, summary]. Irkutsk, 2003, 28 p. (In Russ.)

Mikhailov B.G. *Bol'sheviki v vologodskoy ssylke* [Bolsheviks in Vologda exile]. Vologda, VGPI Publ., 1974, 52 p. (In Russ.)

Morozova A.Yu. *Chernyy kot, rozovyye lyagushki i "nekrologi na pamyat": vologodskaya ssylka A.A. Bogdanova* [Black cat, pink frogs and "obituaries in memory": Vologda exile of A.A. Bogdanov]. *Historia provinciae – zhurnal regional'noy istorii* [Historia provinciae – journal of regional history], 2021, vol. 5, no. 4, pp. 1092–1142. (In Russ.)

Nefedovskiy G.V. *K voprosu o pravovom regulirovanii ssylki v Rossii (konets XIX – nachalo XX vv.)* [On the issue of legal regulation of exile in Russia (late 19th – early 20th centuries)]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'* [Modern scientific thought], 2013, no. 3, pp. 149–158. (In Russ.)

Nikonov V. *Molotov v vologodskoy ssylke* [Molotov in Vologda exile]. *Russkiy Sever. Pyatnitsa* [Russian North. Friday], 2004, February 25. (In Russ.)

Obruchev V.A. *Na katorge i v ssylke* [At hard labor and in exile]. *Puteshestviya Potanina* [Potanin's Travels]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 1951, pp. 54–63. (In Russ.)

Ogloblin N.N. *Politicheskiye ssyl'nyye na Vyehgde* [Political exiles on Vyehgda]. *Istoricheskiy vestnik* [History Herald], 1913, vol. 132, no. 6, pp. 918–924. (In Russ.)

Ovechkina S.Yu. *Zhenskaya politicheskaya ssylka v Arkhangel'skoy gubernii: Vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.*: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Female political exile in the Arkhangelsk Governorate: Second half of the 19th – early 20th centuries: PhD thesis, summary]. Arkhangelsk, 2005, 21 p. (In Russ.)

Panov L.S. *Vologodskaya ssylka* [Vologda exile]. *Moskva – Vologodchina: vremen svyazuyushchaya nit'* [Moscow – Vologda region: the connecting thread of times]. Vologda, Drevnosti Severa Publ., 2009, pp. 126–131. (In Russ.)

Pavchinskiy E.I. *Mesta ne stol' otдалennyye: iz vospominaniy o Vologodskoy ssylke 1906–1910 godov* [Places not so remote: from memoirs about the Vologda exile of 1906–1910]. *Katorga i ssylka* [Penal Servitude and Exile], 1932, no. 3, pp. 167–195. (In Russ.)

Politicheskaya ssylka: otryvki vospominaniy [Political exile: excerpts from memoirs]. *Ogonyok* [Ogoniok], 1925, no. 51 (142), pp. 8–9. (In Russ.)

Runov V. *Stranitsa geroicheskoy biografii: o poete i revolyutsionere A.K. Gasteve* [A page from a heroic biography: about the poet and revolutionary A.K. Gastev]. *Sever* [North], 1970, no. 4. (In Russ.)

Rychkova N. *Rol' natsional'nykh grupp v revolyutsionnom dvizhenii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka* [The role of national groups in the revolutionary movement in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik NSO* [NSO Herald], 2006, no. 4, pp. 36–41. (In Russ.)

Slavnitskiy N.R. *Ssylka v Olonetskuyu guberniyu nakanune Pervoy rossiyskoy revolyutsii* [Exile to the Olonetsk Governorate on the eve of the First Russian revolution]. *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Petrozavodsk State University], 2018, no. 2 (171), pp. 70–75. (In Russ.)

Tsvetkov S. *Vorovskiy v Vologde: k 60-letiyu so dnya prebyvaniya v Vologodskoy ssylke* [Vorovskiy in Vologda: on the 60th anniversary of his stay in Vologda exile]. *Vologodskiy Komsomolets* [Vologda Komsomolets], 1972, November 7. (In Russ.)

Vanyushina O.V. *Iz povsednevnosti zhenshchin, administrativno vyslannykh v Tverskuyu guberniyu (1881–1917 gg.)* [From the everyday life of women administratively exiled to Tver Governorate (1881–1917)]. *Vestnik RGGU. Ser.: Istoricheskiye nauki. Istoriya Rossii* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Historical Sciences. History of Russia], 2013, no. 10 (111), pp. 107–117. (In Russ.)

Vodovozov M.S. *Dom, v kotorom v 1913 g. zhil, nakhodys' v ssylke, V.V. Vorovskiy* [The house in which

V.V. Vorovsky lived in 1913 while in exile]. *Materialy Svoda pamyatnikov istorii i kul'tury RSFSR* [Materials of the Collection of Historical and Cultural Monuments of the RSFSR]. Moscow, 1979, pp. 94–96. (In Russ.)

Volkov N. “*Ni v chem osobom ne zamechalsya...*” [“He Was Not Noticed in Anything Special...”]. *Gubernskiye novosti* [Provincial News], 1995, September 15. (In Russ.)

Yakunina O. *Kapitan “Krasotki”* [Captain of the “Beauty”]. *Prem'yer* [Premier], 2007, March 5. (In Russ.)

Zheleznyak V. *Selo pod Vologdoy* [Village near Vologda]. *Krasnyy Sever* [Red North], 1975, January 28. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 26.03.2025; одобрена после рецензирования 26.06.2025; принята к публикации 27.06.2025.

The article was submitted 26.03.2025; approved after reviewing 26.06.2025; accepted for publication 27.06.2025.